

На следующий день Цзянь Тан сказала Линь Суйчжоу, что собирается на работу.

Линь Суйчжоу ничего не ответил. После молчания он протянул ей банковскую карточку.

Цзянь Тан, которой внезапно дали деньги: «...»

Увидев ее смущенный взгляд, он сказал:

— Компенсация.

Цзянь Тан поняла.

Взяв банковскую карточку, она отодвинула ее в сторону и сказала расстроенным голосом:

— Ночные чаевые.

Линь Суйчжоу: «...»

— Действительно не хочешь?

— Мне все равно.

Она холодно фыркнула и пошла в тренировочный зал.

Линь Суйчжоу нахмурился, он просто хотел дать ей денег на расходы, не говоря уже о том, что ее матери почти пора было снова приехать. Почему она несчастна? Если это было раньше, то Цзянь Тан приняла бы ее, не сказав ни слова. Казалось, он совсем ее не понимает.

Но...

В прошлом он никогда не хотел ее понимать.

Линь Суйчжоу признает, что у него холодный характер, за исключением своей единственной матери, он ни о ком особо не заботился. Пока Цзянь Тан не родила ребенка, у него было мало человеческих чувств и взаимодействий. Может быть, он был слишком холоден и заставил ее, которая слишком долго была в депрессии и больше не могла этого терпеть.

— Папа, мама недавно каждый день ходила в тренировочный зал.

Чуи спустился с верхнего этажа с рюкзаком за спиной. Он озадаченно взглянул на него.

— Мама будет репетитором.

— Репетитором? Когда это?

Линь Суйчжоу небрежно ответил:

— В эту субботу.

Суббота...

Есть только два дня.

Его маленькое личико резко осунулось, и он долго молчал.

После завтрака все трое вышли из дома.

По пути Чуи был необычайно тихим, в отличие от Ляншэня, который был очень шумным и время от времени корчил смешные рожи, чтобы подразнить сестру, заставляя ее хихикать.

Начальная школа, в которую ходил Чуи, находится рядом с детским садом Ляншэня и Лянцянью. Когда машина подъехала ко входу, они втроем вышли.

— Старший брат, увидимся позже, — Ляншэнь взял за руку Лянцянью и повернулся в сторону детского сада.

— Ляншэнь, — Чуи вдруг вытащил свой рюкзак.

— Старший брат.

Чуи отвел их в угол под деревом. Тень от дерева была редкой, и солнце падало на его густые черные волосы.

Он посмотрел на Ляншэня с глубоким взглядом:

— Мама будет домашним репетитором, ты знаешь?

Ляншэнь покачал головой:

— Нет, не знаю.

— Мама будет учить других детей танцевать.

Ляншэнь моргнул:

— Это здорово, это значит, что она не должна все время появляться передо мной, такая раздражающая.

Голос Чуи был спокоен:

— Она может отдать твою игрушку другому ребенку и отвезти этого ребенка в парк развлечений. Если ребенок очень послушный, она может также дать карманные деньги этому ребенку.

Детей легче обмануть. Слушая Чуи, маленькое личико Ляншэнь тут же сморщилось.

— Я не хочу отдавать свои игрушки другим...

— Значит, мы не можем позволить нашей маме быть чьим-то домашним репетитором.

Ляншэнь кивнул и снова посмотрел на Чуи:

— Мы должны пойти поговорить с мамой?

— Мама не согласится, — Чуи поджал губы: — Если мама не сможет танцевать, она не сможет и учить.

Ляншэнь, казалось, все понял, задумчиво держа маленькую руку Лянцянь.

Глядя на постепенно исчезающую фигуру Ляншэня, уголок губ Чуи приподнялся. Но когда он снова моргнул, его глаза все еще были чисты, как у невинного ребенка.

***

За день до того, как она собиралась пойти на работу.

Поев что-то, чтобы согреть желудок, Цзянь Тан направилась прямо в тренировочный зал. Она хочет хорошо потренироваться сегодня вечером. В конце концов, этим телом пренебрегали много лет, и некоторые его части все еще не были гибкими.

Она подвязала волосы и включила музыку. Цзянь Тан сбросила тапочки, взяла танцевальные туфли и надела их. Но в тот момент, когда ее нога коснулась стельки, внезапно ее пронзила боль.

Цзянь Тан взвизгнула и быстро сбросила туфли.

Белые танцевальные туфли были испачканы кровью. Она стиснула зубы и подняла ногу, серебряная кнопка была прямо в центре ее ступни.

Цзянь Тан закусила губу, встала у поручня и медленно опустилась на мягкую подушку. Она глубоко вздохнула и вытащила кнопку. Сразу она почти не чувствовала боли, но теперь боль распространялась.

Кожа этого тела тонкая и нежная, и в это время кровь непрерывно течет из центра стопы. Ее нога красная и опухшая.

— Лю Ма! — крикнула Цзянь Тан.

Немного позже вошла няня.

Увидев беспорядок в тренировочном зале, Лю Ма не удержалась и воскликнула:

— Что случилось? Кто это сделал?

— Кто же еще это может быть, — сердито сказала Цзянь Тан, — кроме этих непослушных кроликов.

После боли нога начала неметь. Цзянь Тан протянула руку:

— Сначала помоги мне подняться.

— Может, поедem в больницу?

— Давай поговорим позже, — Цзянь Тан указала на туфли и кнопку, которая была покрыта кровью на полу: — Возьми и это.

Лю Ма поддерживала Цзянь Тан одной рукой, а другой взяла вещи с пола.

Она подняла на ноги и с трудом спустилась вниз.

Когда они добрались до лестницы, Сяо Гао, работавшая внизу, увидела Цзянь Тан в таком состоянии, на мгновение она была ошеломлена и поспешила на помощь.

— Как ваши ноги пострадали?

— Сяо Гао, походи принеси аптечку для мадам Линь, чтобы мы могли ее перевязать.

Цзянь Тан с холодным выражением лица села на мягкий диван и положила раненую ногу прямо на низкий столик перед собой.

— Не нужно ее перевязывать.

Ее лицо выглядело таким мрачным, что на него было страшно смотреть.

Лю Ма и Сяо Гао никогда раньше не видели ее такой. Некоторое время они смотрели друг на друга и не смели ничего возразить.

Цзянь Тан прислонилась к спинке дивана, сложив руки на груди, и терпеливо ждала своих троих детей.

Через несколько минут с баскетбольным мячом в руке Ляншэня, покрытого потом, насильно привели с заднего двора. Сяо Гао провела Лянцзянь за руку, затем и Чуи.

— Ай-йо, зачем ты тащишь меня сюда? Так раздражает! — сказал Ляншэнь с недовольством, но когда он повернул голову и встретился с холодными глазами Цзянь Тан, он замер в шоке, сглотнул слюну и сказал: — Ты, зачем ты меня звала?

— Мамочка.

Чуи взял сестру за руку и послушно встал перед ней.

Цзянь Тан с ничего не выражающим лицом посмотрела на троих детей, стоящих перед ней. Лянцзянь все еще пускала слюни и сосала палец. Ляншэнь боялся говорить, только Чуи оставался спокойным, как обычно.

Она отвела глаза и бросила туфли и кнопку перед ними:

— Кто это сделал?

Трое из них, наконец, обнаружили, что нога Цзянь Тан была травмирована. На неочищенной ране все еще есть кровь, и она выглядит устрашающе.

Лянцзянь прикрыла глаза и осторожно спряталась за спину Чуи.

Никто из них не произнес ни слова.

Цзянь Тан терпеливо переспросила:

— Говорите, кто это сделал.

— Я не знаю... — Лянцзянь испугалась и заплакала, сказала задыхающимся голосом: — Мамочка, не обижай Цяньцзянь...

Цзянь Тан проигнорировала плач Лянцзянь и посмотрела на своего старшего сына:

— Что насчет тебя?

Чуи покачал головой:

— Не знаю.

— Ты.

Она повернулась и посмотрела на Ляншэня.

Глаза Ляншэня бегали из угла в угол. Сначала, он посмотрел на рыдающую Лянцзянь, а потом посмотрел на равнодушного Чуи. Он прищурился, на его лице появилось легкая растерянность, и, наконец, он покачал головой:

— Я... я тоже не знаю.

— Очень хорошо, — Цзянь Тан рассмеялась. Это был холодный смех, но больше похожий на издевательский: — Никто из вас не знает, никто из вас ничего не видел. Это значит, что я воткнула эту кнопку в собственную обувь и поранилась.

Ляншэнь кивнул:

— Может быть.

— Это может быть твой призрак! — она сердито стукнула кулаком по столу: — Вы, ребята, не хотите этого говорить, верно?!!

Разъяренная Цзянь Тан снова напугала Лянцян. После короткого мгновения ступора Лянцян подняла голову и громко закричала.

— Заткнись, если ты снова заплачешь, я позволю чудовищу забрать тебя.

— Ву-у...

Лянцян в панике прикрыла рот рукой, ее маленькие плечи все еще дрожали, и она продолжала плакать.

Цзянь Тан заткнула уши и закрыла глаза:

— Вы смеете подкладывать кнопки в мои туфли. Завтра вы подсыпьте мне яд в воду?

Ляншэнь сказал:

— Яд противозаконен.

Цзянь Тан:

— Ха-ха.

Неожиданно этот маленький негодяй знает, что яд противозаконен. Но когда она вспомнила о том, что он будет делать в будущем, занимаясь контрабандой оружия, подпольной торговлей и даже ради женщины, не колеблясь, подставит собственного отца.

Поначалу Цзянь Тан глубоко верила, что люди хороши по своей природе, никто не рождается плохим человеком, но сегодня она вдруг почувствовала, что ошибается. Злоба детей – это настоящая злоба. Это великая злоба. Когда они хотят, чтобы ты умер, они просто позволяют вам умереть. Других факторов нет.

Цзянь Тан постепенно успокоилась и потянулась к Лянцян. Она нежно вытерла слезы с ее маленького личика:

— Ты, скажи маме, это ты положила кнопку?

Лянцян несколько раз покачала головой:

— Цяньцян этого не делала...

— Хорошо, — она коснулась ее лица и повернулась, чтобы посмотреть на Чуи: — Что насчет тебя?

— Нет.

Ожидаемый ответ.

Цзянь Тан наконец взглянула на Ляншэня:

— Поскольку никто из вас не хочет этого говорить, я могу узнать это только самостоятельно. В то время, кто бы это ни был, я надеюсь, что ты не пожалеешь об этом.

Цзянь Тан позвала Сяо Гао:

— В тренировочном зале нет камеры слежения, но в коридоре и зале есть. Иди и посмотри видео, тот, кто сегодня вошел в тренировочный зал, естественно, является виновником.

Сяо Гао колебалась:

— Мадам, я думаю, что лучше забыть об этом...

— Нет, — она сказала с жестким отношением: — В прошлом мне приходилось уступать снова и снова, что заставляло их не относиться ко мне как к матери. Я их родила, вырастила, а теперь какая награда? Если это так, то лучше вместо этого родить кусок мяса. По крайней мере, я могу наполнить свой желудок, когда голодна. В отличие от них... умеют только расстраивать.

Сяо Гао не оставалось ничего другого, как пойти проверить камеры слежения.

Потребовалось некоторое время, чтобы проверить все записи. Ее рана перестала кровоточить, и кровь в центре стопы почти свернулась.

Лю Ма почувствовала огорчение, просто увидев это. Она сказала беспомощно:

— Позвольте мне перевязать ее для вас, не стоит оставлять ее так, иначе инфекция...

— Не надо бинтовать, — Цзянь Тан слегка опустила подбородок: — Я позволю им смотреть. Я травмировала ногу? Нет, болит мое сердце. Его невозможно перевязать!

«...»

Некоторое время спустя Сяо Гао вернулась из комнаты наблюдения. Ее глаза, казалось, с особым смыслом смотрели на Ляншэня, и она поспешно посмотрела на Цзянь Тан:

— Нет, никто туда не входил.

— Ладно, я поняла.

Услышав ее слова, все трое детей, казалось, вздохнули с облегчением, но Ляншэнь выглядел еще хуже.

Но в следующую секунду...

— Чуи, ты можешь отвести сестру наверх?

— Сяо Гао, принеси мне иголку.

Ляншэнь дрожа, поднял голову, когда услышал ее слова. Его зрачки были сужены, и он выглядел очень бледным.

<http://tl.rulate.ru/book/39340/1287307>